

Открытое и свободное по организации образование в Германии¹

Ольга Милославовна Леонтьева, кандидат педагогических наук

Каждый раз, когда я пытаюсь объяснить, что такое «продуктивное образование», слова словно разбиваются об опыт жизни моего собеседника. Взрослые совершенно точно знают, что такое школа: в ней обязательно должны быть длинные коридоры и классы, и программы, и экзамены, и... — именно в такой школе они когда-то учились, таков их личный опыт. В их представлении «продуктивная школа» должна быть такой же. Люди уверенно говорят: «Продуктивное образование? Конечно, знаем. Это когда ученики работают по методу проектов на уроках... Очень известный и довольно эффективный метод, мы его тоже используем в нашей школе». Но продуктивное образование — не «школа» в традиционном смысле этого слова, а **особая, инновационная, целостная образовательная система.**

Оставим теорию и попробуем заглянуть в продуктивные школы. В этом мне помогут мои коллеги, работу которых я и представляю в педагогическом очерке. Поверьте, это сделать гораздо сложнее, чем описать работу учителя в обычной, традиционной школе. Почему? Потому что продуктивное образование нельзя описать как «театр одного актёра» — учителя обычной школы, ведущего обычные уроки по утверждённому плану. Разница примерно такая же, как между армией (с правилами и распорядком дня — каждый точно знает, в какое время и что он должен делать) и обычной жизнью (в которой неизвестно, что и когда произойдёт). Вот и в школах продуктивного образования: все проекты по форме похожи, но каждый из них уникален по содержанию и выполнению. Одинаковых проектов не может быть в принципе, поскольку отличаются рабочие места и образовательные ситуации каждого учащегося. Содержание деятельности в проектах меняется так быстро, что за

этим трудно уследить. Я расскажу об основных отличиях.

Школа без учеников. Часто продуктивные школы работают «без учеников», которые отсутствуют по вполне уважительной причине: они в это время находятся на местах своей практики. Ребят нет, но школы обязательно открыты, и это — важная часть продуктивного образования. Посмотрим, что происходит там в те дни, когда «нет учеников».

Картинка первая. Приглашаю вас посетить Gustave-Eiffel-School вместе со мной в один из таких дней. Вы помните, как искали работу в первый раз? Помните робкий стук в дверь, биение сердца, первое «здравствуйте», вопрошающий взгляд: «Кто ты? Чего тебе нужно?». Эти моменты нельзя забыть... Представьте, что чувствуют тинэйджеры, устраивающиеся на работу.

Конечно, каждая школа тщательно подбирает адреса рабочих мест, где ученики-подмастерья, действительно, желанные гости, где молодые люди будут работать с интересными людьми, с мастерами. В Германии их называют «менторы»: они могут и объяснить что нужно, и помочь в работе. Например, в Проекте продуктивного образования Густав-Айфель-Шуле (Gustave-Eiffel-Scholle) учтено более 200 таких мест, из которых 50 — очень хорошие по ресурсам и условиям практики. Этот список постоянно изменяется: ученики находят новые места практики, а старые могут закрыться — по множеству причин.

Первые ученики пришли в школу около 8:30. Пришли, потому что не смогли найти себе место для практики. И это понятно: был первый день второго триместра, т.е. ребята должны были найти работу во время Рождественских каникул, что сделать очень сложно. Здесь необходимо рассказать ещё об одном правиле, которое давно стало привычным для продуктивных школ: **каждый должен не только найти место практики самостоятельно, но и договориться с работающими там людьми**

¹ По материалам «Новые ценности образования». № 2(32), 2007.

КОНЦЕПЦИИ, МОДЕЛИ, ПРОЕКТЫ

и подписать официальный контракт — без указаний, помощи и советов учителя.

К сожалению, в привычных для нас школах всегда есть учительские приказы: «ты должен пойти туда-то и сделать то-то». В продуктивном образовании каждый ученик должен сам принимать серьёзные решения относительно своей учёбы и будущего. Выбор — очень трудная работа...

Да, в Берлине есть много мест похожих на знакомые нам «места учебной практики», куда на 2–3 недели принимают любых учащихся. Но ученики продуктивных школ приходят на три месяца, для них это не практика, а учебная работа. Их основное задание во время учёбы — работать и учиться тому, что нужно для работы. В школе, которую я посетила, 59 учеников — 43 в 9-м классе, 16 — в 10-м. Каждый должен был найти себе место работы, и почти всем это удалось.

Но как выбрать то, что тебе действительно нужно? Как объяснить людям, что ты хочешь и можешь делать? Ответы на эти вопросы трудно найти не только детям, но и взрослым. Об этом преподаватели и разговаривали в этот день с ребятами, нуждающимися в помощи.

Во время консультации в офис продуктивного образования зашёл бывший выпускник Кристиан. Учитель Изабелл Китлер шагнула к нему навстречу и протянула руку как хорошему старому другу. Кристиан окончил школу в прошлом году, причём не очень успешно: он не смог хорошо сдать выпускные экзамены — нечто вроде нашего ЕГЭ.

«Почему я плохо сдал экзамены? Сам виноват — много уроков прогулял, когда к экзаменам готовились. К сожалению, я так и не смог улучшить отметки в аттестате, для чего, собственно, и пришёл в эту школу. Но знаете, гораздо важнее, что после её окончания у меня оказалось достаточно энергии, упорства и умения, чтобы найти хорошую работу», — объяснил Кристиан. Он рассказывал, а рядом с ним стояла Изабелл и, соглашаясь, кивала ему в такт. Было понятно, что она гордится своим выпускником.

Что ещё происходило в этот день в школе? Учителя готовили материалы для предстоящих уроков. Они старались подобрать индивидуальные и обязательно интересные и важные темы для каждого ученика на уроки английского, математики, компьютерной грамотности. Шла обычная работа педагогов продуктивных школ в тот день, когда у ребят — практика на рабочих местах.

Картинка вторая. О том, что происходит в Leistikov-school в те дни, когда ребята работают, я узнала совершенно случайно. Был «урочный» день, но учительница, Хильдбург Фрайник, за работой которой я наблюдала, неожиданно для меня куда-то ушла. Я отыскала её в маленькой комнатке, где еле-еле уместились компьютер, принтер и телефон. «Извини, Ольга, я должна успеть сделать кое-что очень важное, — улыбнулась она. — Я составляю план. Каждый ученик из моей группы приходит ко мне на индивидуальные консультации один раз в неделю, мы разговариваем о практике, о личных и учебных проблемах. Это очень важно для нас, ведь только близкие и понятные люди могут помочь ребятам справиться со всеми трудностями. Они приходят ко мне на консультации во время практики, поэтому мне нужно составить точный график посещений и обзвонить их менторов — руководителей практики. Извини, я не могу больше говорить с тобой сейчас».

Я не увидела, как Хильдбург ведёт индивидуальные консультации. Но думаю, что она не показала бы мне эту работу: нельзя делать частную жизнь и чьи-то проблемы достоянием других людей.

Группы общения. Зачем мы общаемся? Я говорю о настоящем общении, а не о коммуникативных методах обучения. Мы внимательно присматриваемся к людям, которые нам интересны, слушаем их, разговариваем с ними, что-то делаем вместе. С некоторыми охотно проводим массу времени, а от кого-то быстро устаём и бежим как от огня. Так зачем же нам нужно общение? Чтобы получать информацию? Чтобы понять мир, окружающий нас? Или чтобы понять самих себя? И может ли настоящее общение быть специально организованным?

Группы общения (коммуникативные группы) играют важную роль в продуктивном образовании. Мне удалось познакомиться с их работой.

Группа 1. Leistikov school, 9-й и 10-й классы. Эта школа расположена в здании бывшего детского сада. Красивое место, нет никого постороннего — только учителя и ученики продуктивной школы. Первый раз я оказалась там как учитель и ученик одновременно: была реально вовлечена в работу группы. Хильдбург Фрайник, моя подруга (думаю, что в продуктивном образовании все педагоги быстро становятся друзьями, чему есть причины, но о них — позже), объяснила мне «кто есть кто» в группе ещё до нашего прихода в школу. Прошлые ребят оказалось таким

сложным и разнообразным, что могло бы стать темой для отдельной книги... И так, после предварительной инструкции-рассказа я подошла к школе. «Фрау Фрайник, это Ваша подруга из России? Здравствуйте! Как дела?!» — примерно так ребята пригласили меня в группу, и я поняла, что им тоже заранее рассказали обо мне...

Не все из них были разговорчивы: новички предпочитали отмалчиваться. Я тоже была новичком, но отмалчаться мне не удалось — пришлось отвечать на массу вопросов. Молодые люди решили не ждать педагога. Они вошли в кабинет, уселись за столы, расставленные по кругу, и начали общаться. Заговорили о происшествии, которое случилось с одним из ребят за день до этого: обсуждали серьёзный вопрос о жизни национальных меньшинств, об опасных ситуациях на улицах... Вошла Хильдбург: «Извините, я немного опоздала», — но я подозреваю, что она опоздала специально. Ведь она говорила, что её ученики иногда проводят группы общения даже без неё. И это оказалось правдой — она показала мне, как естественно это происходит у её учеников.

Ритм и стиль общения несколько не изменились после прихода преподавателя. Все слушали слова Хильдбург внимательно, с большим уважением. Трудно создать с группой подростков такие доверительные взаимоотношения: к сожалению, они редко действительно уважают взрослых. Мне очень захотелось понять, как Хильдбург добилась такого отношения к себе? Очевидно одно: взаимное доверие — первый и главный шаг к хорошим отношениям и возможности общаться друг с другом.

Группа обсуждала множество проблем, строила планы на следующую неделю. Разговор коснулся и России: «Правда, что в России все пьют водку? А лето в России есть?» — прямые и одновременно детские вопросы задавались параллельно с нежной заботой обо мне, о госте: «Вы замёрзли? Тогда мы закроем окно».

Группа 2 (Leistikov school, 9-й и 10-й классы). Прошёл год. Это был мой второй визит в школу и группу Хильдбург Фрайник. Я уже не была новичком, но думала, что никто из ребят всё равно меня не узнаёт — и оказалась не права.

«Привет! Вы же Ольга, из Москвы! Я прав?» — один из парней, Роберт, приветливо улыбнулся мне. Вскоре я поняла, что нескольких ребят хорошо помню, а других вижу

впервые. Может, быть, я забыла их лица? — Нет, я просто забыла, что в этом проекте ученики 9-х и 10-х классов учатся в одной группе.

Представив меня во второй раз как свою подругу и коллегу, Хильдбург начала группу общения: «У кого есть вопросы к Ольге?» Все руки взметнулись вверх.

«Как же Вы можете быть коллегами, если фрау Фрайник — учитель, а Вы — журналист?»

«Я слышал, что в Москве очень много богатых людей. Это правда?»

«А в Москве холоднее, чем у нас?»

Внезапно открылась дверь и в класс вошла молодая женщина с младенцем на руках. Я её сразу узнала: в прошлом году она училась в 9-м и была беременна. Тогда я ещё подумала, что Кира бросит школу — и в очередной раз ошиблась. Кира решила продолжить образование, и её дочь Сара (она такая хорошенькая!) стала «дочерью группы». Или... «игрушкой группы»? Ведь не даром говорят, что первые дети — это последние игрушки...

Хильдбург прочитала заранее подготовленную статью о том, как много людей употребляют спиртное, к чему приводит пьянство, и попросила ребят сказать, что они думают о выпивке. Началась дискуссия:

«Я думаю, что если пить в меру, то в этом нет ничего страшного».

«А как ты поймёшь, где она — эта мера?»

«Я предпочитаю самую крепкую выпивку. Чем больше спирта содержится в напитке, тем лучше!»

Юниор, юноша африканского происхождения из мусульманской семьи, стремился вступить в разговор, но учительница почему-то не дала ему слова. «Может, она просто не замечает его руку? Или забыла о нём?» — думала я, глядя на Юниора и испытывая сочувствие к нему. Было видно, что он расстроился и начал заниматься посторонними вещами, потому что дискуссия больше его не интересовала.

Тем временем дискуссия разгоралась.

«Юниор, — Хильдбург посмотрела на юношу, — что ты хотел нам сказать?»

«Да ничего особенного, я просто хотел сказать, что тоже однажды пробовал спиртное, но мне совсем не понравился вкус. Больше я никогда ничего такого не пил, не нравится вкус — зачем же себя мучить?!»

КОНЦЕПЦИИ, МОДЕЛИ, ПРОЕКТЫ

«А что же ты делаешь, когда встречаешься с друзьями? Ты же слышишь, что остальные уверены: выпивка — самый лучший способ развеселить любую компанию».

«Мы много чего делаем: готовим вкусную еду, играем в разные игры — нам не скучно».

Ребята спорили, учительница их не перебивала и даже не предлагала свою точку зрения. Она была скорее координатором, своеобразным хранителем правил, и переводчиком, пояснявшим для остальных смысл каждого высказывания. Ребята внимательно слушали друг друга, думали о поднятой преподавателем проблеме и искали нужные слова, чтобы обосновать перед друзьями свою собственную позицию.

На следующий день я вошла в «другую» коммуникативную группу: по составу она была прежней, но решала новые проблемы, вела новые дискуссии. Коммуникативная группа — никогда не заканчивающийся процесс.

«Знаешь, я по-настоящему горжусь своими ребятами, — Хильдбург приготовила сюрприз для своих учеников — шоколад. — Они закончили последний триместр так хорошо! Пойдём, я раздам ребятам резюме, с баллами и комментариями».

Она вошла в класс, угостила ребят шоколадом, говоря о том, как гордится ими, и начала раздавать резюме. Первый, второй, третий ученик начали внимательно читать... Тишина... Напряжение...

«Фрау Фрайник! Я, между прочим, собиралась спорить с Вами по всем Вашим комментариям! Но не могу. К сожалению, Вы правы, все Ваши слова — чистая правда».

«Фрау Фрайник! Я думаю, Вы зря написали, что мама должна помогать мне».

«Хорошо, Линда, я изменю эту фразу: не мама, а просто кто-то из взрослых должен тебе помочь. Так будет лучше?»

«Да, так будет лучше».

Тем временем Андре становился всё мрачнее. Те, кто сидел рядом с ним, старались его подбодрить, дружески похлопывая его по плечу. Ничего не изменялось: Андре был сильно расстроен.

«Ольга, — Хильдбург посмотрела на меня с улыбкой, — спой ребятам смешную песенку «А-паса-паса-паса», у тебя это так хорошо получается!»

Здесь я должна пояснить, что более глупой песенки, чем эта, просто нет. Она без слов,

только ритмичное повторение этих слогов и подшучивание над собой и над теми, кто рядом. Когда я работала в школе, мои ученики любили петь эту песню со мной, чтобы отдохнуть и расслабиться. Но я не думала, что буду петь её в чужой стране, с ребятами, которых знаю так мало. Попыталась отказаться, но это оказалось невозможно. Пришлось петь. Сначала ребята смотрели на меня с удивлением, потом — с интересом, потом... я заметила, как Андре начал улыбаться вместе с другими. Когда мы закончили петь, я спросила его, что случилось.

«Понимаете, я могу учиться очень хорошо, точно знаю, — он говорил немного сконфуженно. — Мы часто делаем домашнюю работу вместе с подружкой, она учится в нашей же группе. У неё гораздо более высокие баллы, чем у меня! Конечно, я знаю, почему так произошло: несколько последних недель прошлого триместра я мало думал о школе. Занятия спортом отнимают массу времени и энергии... Теперь я не знаю, что делать. Мне нравится спорт, но ведь образование важнее. Думаю, мне придётся сделать выбор».

Группа 3. (9-й класс, Gustave-Eiffel-School). Ученики никак не усядутся на свои места, в классе шумно и весело. Наконец я представлена классу как исследователь, педагог и журналист из России. Лютц (друг и педагог, ни минуты не сидящий на месте, как и его ученики) попросил ребят представиться гостю из другой страны:

«А если для кого-то будет трудно рассказать о себе по-английски, я помогу», — пояснил он. Наивный! Конечно же, все ребята были рады использовать учителя как переводчика...

«Я — Кати, мне 18 лет. Сейчас живу в Германии, но моя семья родом из Перу, Южная Америка. Последний триместр я работала в детском садике — это было интересно и весело. А теперь я работаю в отделе информации в отеле. Это классно!»

«Я — Мануэль Гатц. Родился в Берлине в 1991 году. Сначала работал в ресторане в спортивном центре, мне понравилось: учился готовить. Новое место работы пока не нашёл».

Имена и места практики мелькали передо мной как звёздочки разной величины и цвета. Мои три профессии (преподавание, научная деятельность и журналистика) меркли рядом с их многопрофильностью: зоомагазин,

в котором продают паукообразных, сменился зоомагазином рыб; детский сад — больницей; производство кресел для автомобилей — работой повара; автомастерская — супермаркетом; дом престарелых — заправочной станцией; автомастерская — магазином декора.

Довольно скоро ребята забыли, что их учитель работает переводчиком, и сами заговорили по-английски. Я была так удивлена, что... даже перестала записывать их истории. Я внимательно слушала и пыталась понять молодых людей, рассказывавших мне о своей жизни. А ведь слушать — значит, смотреть в глаза говорящему, а не писать.

Когда все молодые люди представились, началась обычная работа, без всякого перевода: учитель интересовался, как прошёл первый рабочий день на новом месте практики. Лютц так искренне интересовался их работой, словно подыскивал новое место для себя и никак не мог отыскать то, что нужно... Ёрзание на стульях как-то само собой прекратилось: ребята искренне интересовались работой друг друга, задавали вопросы. Началось осмысленное общение.

«В первом триместре я работала в доме престарелых: помогала ухаживать за пожилыми людьми, мыла их, — работа мне нравилась. Все, кто работал рядом, были очень доброжелательны, добры, заботливы. А вчера я начала работать в большом госпитале. Конечно, я могу там многому научиться: симптомам различных болезней, проведению различных исследований, например, ЭКГ. Но... Я уже сейчас ненавижу это место, потому что чувствую, что медсёстры не любят людей, которым должны помогать. Они даже могут сказать озлобленно слепому человеку: «Ты что, не видишь?!» А некоторые просто ненавидят больных людей. Не хочу я работать в таком месте!» — Дорина рассказала о своём первом дне на новом месте практики так эмоционально, что я до сих пор чувствую её возмущение и ужас.

«Не торопись, Дорина. Я думаю, что ты должна ещё какое-то время поработать там, прежде чем делать такие серьёзные выводы. Подожди, приглядишься получше к людям, я уверен, ты изменишь о них мнение и подружишься с новыми коллегами», — Лютц высказал свою точку зрения.

Когда молодые люди приходят в мир взрослых, они часто воспринимают происходящее преувеличенно, а порой видят вещи очень искажённо. Молодые люди естественны и от-

крыты, они говорят то, что думают, искренне плачут, когда им делают больно. К сожалению, это не помогает: если хочешь, чтобы тебя приняли в этом мире, нужно учиться принимать его.

Как только разгоралась любая серьёзная дискуссия, вся группа заинтересованно слушала, многие вступали в разговор, задавали вопросы. Потом снова начинали двигаться, подшучивать друг над другом, делать тысячу дел одновременно.

«Нельзя ли потише, — учителю было немного стыдно за свою группу. — Посмотрите-ка на наши правила!»

В списке правил пятнадцать пунктов. Позже, на уроках английского, одна из студенток («Спасибо тебе, Мориса!») перевела их для меня:

«Правила нашей группы общения»:

1. Подними руку, если хочешь что-то сказать.
2. Говори громко и чётко.
3. Отвечай на вопросы коротко и по существу.
4. Не повторяй то, что сказали другие.
5. Никогда не смейся над тем, что кто-то сказал или сделал.
6. Говори короткими предложениями.
7. Избегай разговоров на местах.
8. Следуй мысли того, кто говорил до тебя.
9. Дай возможность другим высказать свои мысли.
10. Не уходи от общей темы.
11. Будь доброжелателен и корректен.
12. Смотри в глаза одноклассникам, когда хочешь им что-то сказать.
13. Дождись, чтобы тебя слушали, прежде чем начнёшь говорить.
14. Слушай внимательно, когда говорят другие.
15. Будь готов изменить своё мнение, если на то есть причины.

Эти правила обсуждались и формулировались всей группой в начале учебного года. Хорошо бы посмотреть, как это было...

Уроки. Сначала проекты продуктивного образования в Берлине были на положении «экспериментальных»: несколько лет ученики посещали эти школы, но не имели возможности получить такой же аттестат, как остальные

Концепции, модели, проекты

(в таком же положении находятся сегодня некоторые проекты продуктивного образования в ряде регионов Германии). Но вот уже второй год Берлинские проекты стали официальными подразделениями общеобразовательных школ. Молодые люди, проучившиеся в них 9–10-е классы, имеют право наравне со всеми сдать общие выпускные экзамены и получить сертификат об образовании, дающий им право продолжить обучение.

Как же они успевают подготовиться к экзаменам, если, в отличие от сверстников, в школе бывают только два дня в неделю? Сочетание личных планов, работы и уроков — одна из самых сложных проблем для учеников и учителей в сфере продуктивного образования. Попробую показать, как она решается.

Вариант 1. Три девушки не обращают внимания на учителя и делают это демонстративно: у них гораздо более интересные проблемы для обсуждения. Тем временем Лютц рассказывает группе о константе «пи». Он говорит о радиусе, передвигаясь по классу так, словно рассказывает волшебную сказку: его глаза блестят, голос звучит завораживающе. Остальные ребята неотрывно смотрят на него, но три девушки слишком заняты и не слушают учителя.

Лютц подошёл к ним и, доброжелательно улыбаясь, спросил, всё ли им понятно. Он, конечно, понимал, что они были далеки от учебных проблем, обсуждавшихся в группе. Но его вопрос не был издёвкой — он действительно хотел помочь. Девушки удивлённо посмотрели на учителя: их беседа была прервана! Одна из них (та, которая, бесспорно, лидировала в этой маленькой группе) взяла ответственность на себя и ответила педагогу. Она пыталась сказать хоть что-нибудь, только для того, чтобы учитель от них отстал. Но... Лютц очень внимательно её выслушал и продолжил разговор. Он объяснил ей то, о чём она спросила, и быстро перешёл к группке ребят, звавших его к себе (они уже выполнили задание и хотели получить следующее, более сложное).

Девушки посмотрели друг на друга, и та, которая разговаривала с Лютцем, начала объяснять подругам то, что сама только что поняла. Когда урок подходил к концу, все ученики сосредоточенно работали. А учитель всё продолжал перебегать от одной группы к другой, слегка пританцовывая и улыбаясь...

Вариант 2. На этот раз Лютц подготовил специальное задание. За день до этого он по-

просил всех принести на занятие что-нибудь круглое и, после того как все вместе повторили определения окружности, круга, радиуса, диаметра, попросил измерить диаметр принесённой вещи. Ученики выполнили задание, педагог занёс результаты в общую таблицу. Тогда Лютц попросил измерить длину окружности их предмета, отметив на нём точку и прокатив предмет по листу бумаги. Все результаты сразу занесли в таблицу.

«Теперь, пожалуйста, разделите длину окружности, которая у вас получилась, на величину диаметра. Диктуйте полученные цифры. Ой! У вас получились такие разные результаты! Но если бы вы выполнили измерения точно, число было бы приблизительно равно 3, 14. Причём оно не зависит от величины измеряемой окружности. Это число необходимо во многих областях деятельности человека — можете предположить, где?»

Мне было интересно следовать за логикой рассуждений учителя. Мне, но не большинству ребят. Многие разговаривали друг с другом, занимались посторонними делами... Я тоже учитель, и не раз была в похожих ситуациях. Иногда метод, который ты используешь, совершенно по-разному действует в, казалось бы, одинаковых классах. Причины могут быть любые, вплоть до ревности к госте, отвлекающей внимание любимого учителя... Обычная человеческая реакция.

Я решила не идти на следующий урок. По его окончании Лютц подошёл ко мне: «Странно... Сейчас они работали очень хорошо, им всё было интересно. Даже не знаю, почему».

Проекты. Я назвала эту часть «проектной» только потому, что не нашла замены немецкому слову «lernbereich», которое используется у авторов концепции продуктивного образования.

Картинка первая. (Leistikov school, 9-й и 10-й классы). В классе оставались только две девушки. Учитель, Хильдбург Фрайник, сидела рядом с ними. Работа казалась обычной для всех троих.

Хильдбург открыла книгу и начала читать вслух, а девушки взяли ручки и стали записывать что-то под диктовку. «Что они делают?! — подумала я немного раздражённо. — Она заставляет девочек писать под диктовку? Но это не «продуктивное» образование!»

Позже Хильдбург пояснила: девушки — подруги и должны выполнить определённую

работу по этой книге для своего общего проекта. Одна из них пришла на занятия после посещения окулиста и не могла читать. Поэтому учительница просто решила им помочь. По ходу дела, Хильдбург показывала ученицам допущенные ими ошибки: «Ты плохо слышала меня и написала не то слово. Извини, я виновата, может, ты исправишь?» Чуть позже девушки начали работать самостоятельно.

Что это было: урок чтения? Письма? Или урок общения и взаимопонимания? Это была особая деятельность — «проектное обучение».

В класс зашла ещё одна ученица: «Фрау Фрайник, мне нужна Ваша помощь! Никак не могу понять, почему... «Вопросы сыпались один за другим. Девушки, сидящие рядом, попытались на них ответить. Хильдбург посмотрела на них: «Спасибо, вы молодцы, но сначала я хотела бы узнать, что именно ваша подруга не понимает. Пожалуйста, дайте и мне шанс».

Трудно не давать прямой ответ на вопрос ученика, когда тебе (учителю!) кажется, что ты его знаешь. Сдерживать себя не только для того, чтобы ученик «сам нашёл ответ на свой вопрос», а из-за искреннего желания понять природу вопроса, причину непонимания. К сожалению, учителя часто этого не умеют делать и просто говорят: «Думай сам!» — в результате добываясь только одного: ученики просто перестают спрашивать их о чём-либо.

Тем временем работа шла и в других помещениях школы. Все занимались: кто на улице, кто на втором этаже (там — компьютерные классы). Внезапно мы услышали громкий хохот. Фрау Фрайник сняла туфли и осторожно поднялась на второй этаж. Я кралась за ней: было интересно посмотреть, как отреагируют ребята, увидев разутую учительницу. Я была разочарована — ребята ничего особенного не сказали, просто улыбнулись: «У нас всё в порядке, не волнуйтесь». А вот Хильдбург сказала нечто важное: «Ой! Я думала, что вы не работаете, и хотела вас «застукать»... Но, раз уж я здесь, может быть, у вас есть ко мне вопросы?»

Её слова действительно были очень важны: в них не было ни капли фальши, она не играла роль строгого взрослого. Хильдбург помогала тем, кто попросил, а потом подошла к тем, кто был успешен в своей работе. Она не сказала ребятам ничего особенного, просто присела рядом, поговорила «ни о чём» минутную. Это было словно поддержкой их самостоятельности, успешности: она радова-

лась за них и не хотела беспокоить напрасно. Взаимное уважение — это так важно.

Работа на местах практики: Hospital. Однажды утром я присоединилась к Лютцу Хершу, который отправлялся с визитом в госпиталь, где начала работать одна из его учениц — Дорина. Дорога заняла довольно много времени (госпиталь находится на окраине Берлина), и Лютц успел рассказать, что Дорина мечтает стать медицинской сестрой, работать с престарелыми людьми. Я сразу же вспомнила, как она эмоционально рассказывала о своей практике в коммуникативной группе. Интересно посмотреть, что она делает в госпитале.

Даже в дождливое зимнее утро это место казалось красивым, умиротворённым.

Расспрашивая медперсонал, мы наконец нашли медсестру, которая знала нашу Дорину.

«Да-да, она работает со мной. Вы учитель? Знаете, я должна сказать, что вчера она не всю работу выполнила добросовестно».

«Но Дорина не медсестра, она ученица. Вы хорошо ей объяснили, что она должна делать, почему, зачем?»

«Да, конечно, но она сказала, что сделала всё от неё зависящее».

Беседуя с нами, медицинская сестра нашла Дорину и пригласила всех в кабинет, где собиралась продолжить обсуждение девушки и её работы, но Лютц мягко остановил её:

«Скажите, пожалуйста, Дорина объяснила Вам особенности нашей школы и что означает наша практика?»

«Она сказала, что будет работать у нас три месяца по три дня в неделю. Кстати, это не очень удобно для её обучения, было бы лучше, если бы Дорина работала всю неделю, чтобы увидеть весь процесс».

«К сожалению, это невозможно, ведь практика — часть её обучения, параллельно она учится и в школе».

«Извините, я не поняла».

«Это не профессиональная практика, а важнейшая часть её учёбы. Мы называем этот процесс «учение через деятельность». Ученик делает множество вещей на рабочем месте, например, как здесь: разносит еду для больных людей, помогает медсёстрам раздавать лекарства или проводить процедуры. При этом цель Дорины — не просто выполнить порученную ей работу и знать, как её

Концепции, модели, проекты

нужно выполнять. Она должна задать как можно больше вопросов (себе, вам, учителям в школе), чтобы понять, почему конкретную лечебную процедуру нужно делать определённым способом. Например, если ей говорят, что пациенту нужно ежедневно давать витамин В, она может (и должна!) спросить: «Почему именно это витамин? Почему не витамин С?» Если Дорина на свой вопрос не получит ответа здесь, она должна найти его в школе, изучая для этого специальную литературу, работая по собственной индивидуальной программе».

«Что, она не слушала лекции о сестринском деле прежде, чем пришла к нам?»

«Нет, не слушала, поскольку она — не студентка медицинского колледжа. Она всему учится сейчас, работая, наблюдая, спрашивая. Это новый метод образования».

«Никогда не слышала о нём раньше».

«Именно поэтому я и приехал. Мы должны работать вместе. Дорина составила свой образовательный план, по которому будет заниматься и здесь, и в школе следующие три месяца. Она — связующее звено между вами и мной. Кстати, у меня есть вопрос. Дорина сказала, что первые дни или даже недели она будет работать только на кухне. Это правда?»

«Да».

«Почему она должна только готовить бутерброды и мыть посуду? Она не жаловалась, но я беспокоюсь, что она не найдёт здесь того, что искала».

«Не волнуйтесь, эта работа необходима только для начала. Вы же понимаете, она работает не с машинами, а с людьми, которые не просто пожилые, а ещё и больны. Прежде чем она начнёт помогать сёстрам, больные должны с ней познакомиться, привыкнуть к ней, начать доверять. Это не так-то просто. Вот она и развозит им еду».

Дорина согласилась: знакомство очень важно для пожилых людей, да и работа на кухне может быть интересной. После разговора с медицинской сестрой Лютц попросил Дорину показать ему её рабочее место. Девушка уверенно двинулась по коридору: «Это комната для медперсонала, здесь лежат лекарства...».

Школа «Беролина» (Berolina-school). Два дня я работала вместе с учениками и учителями этой школы. Чем же отличается работа учеников на уроках в этой школе от привычных для нас уроков? Будет ли заметна разница?

Заметна, и очень. Можно охарактеризовать обучение в этой школе так: свободное по содержанию, необязательное по форме учение, основанное на принципе мотивированного интереса к теме.

Мне было трудно отсидеть подряд 8 уроков, слушая и записывая всё, что вижу (фактически — «учиться», как все дети на свете). Вы скажете, что в этом нет ничего сложного, ведь каждый из нас когда-то сидел в классе, выполнял задания и получал оценки. И вы будете правы, но... мы часто забываем о том, как это было сложно, а порой — неприятно: редкие взрослые люди согласятся пройти такое обучение ещё раз...

Урок в 9-м классе был необычным. Две группы работали в компьютерном классе, причём занимались ребята тем, чем они сами хотели заниматься. Рядом находились три преподавателя, которые помогали лишь тем, кто сам об этом просил.

Половина группы искала в Интернете информацию о разных странах. Это было их заданием для «Lernbereich» — урока, на котором они изучают различные предметы по индивидуальным планам. Договорились, что каждый расскажет о какой-нибудь стране. Тольга скачивал статьи о Кубе (красивая страна!), Давид — об Амстердаме (такой интересный город!), Крис — о Ямайке (там должно быть прекрасно!), Вивиан — об Италии (много её друзей там живут!), Константин об Аргентине... Марвин искал информацию о знаменитом корабле «Бисмарк», потому что его всегда больше интересовала история, нежели география. Остальные ребята оформляли документацию о местах прохождения практики.

Математика, личные проекты, кулинария, компьютер — все уроки проходили очень похоже и непохоже друг на друга. Дети занимались тем, что требовали их индивидуальные программы (и интересы) спокойно, без азарта, но и без демонстративных провокаций вроде «нам этого не надо!»

На этом моя практика в продуктивных школах не закончилась. Я набиралась опыта и впечатлений. Главное, подтверждалась моя убежденность в том, что открытое и свободное по организации образование в принципе везде выстраивается по одной «схеме»: ученик в нём — главное действующее лицо, поэтому он постоянно должен быть активным и самоопределяющимся... И ему не надо мешать... □